

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.7.22>

Антонов Денис Александрович

ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОТКРЫТОСТЬ ИЛИ ОТГРАНИЧЕНИЕ?

Цель работы - раскрыть полярные стратегии идентификации общества в условиях глобального мира. Основу одной из стратегий составляет понятие "открытость", представление о доминировании в современном мире универсалистских, глобальных тенденций, в условиях которых идентичность социума невозможна. Другая же стратегия опирается на понятие "отграничение", на веками доказываемое положение об определенности как естественной онтологической характеристике, что позволяет автору предложить новое понимание идентичности общества как объективной определенности, задающей способность социума оставаться самим собой в условиях изменяющегося состава детерминантов его жизнедеятельности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/7/22.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 7. С. 111-114. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Социальная философия

Social Philosophy

УДК 1; 316.72

Дата поступления рукописи: 27.03.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.7.22>

Цель работы – раскрыть полярные стратегии идентификации общества в условиях глобального мира. Основу одной из стратегий составляет понятие «открытость», представление о доминировании в современном мире универсалистских, глобальных тенденций, в условиях которых идентичность социума невозможна. Другая же стратегия опирается на понятие «отграничение», на веками доказываемое положение об определенности как естественной онтологической характеристике, что позволяет автору предложить новое понимание идентичности общества как объективной определенности, задающей способность социума оставаться самим собой в условиях изменяющегося состава детерминантов его жизнедеятельности.

Ключевые слова и фразы: идентичность; глобализация; универсализм; открытость; определенность; граница.

Антонов Денис Александрович, д. филос. н., доцент
Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск
denisantonov77@mail.ru

ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОТКРЫТОСТЬ ИЛИ ОТГРАНИЧЕНИЕ?

Современный глобализирующийся мир, задавая высокий темп социальным и иным изменениям, склонный к формированию единого пространства мысли, действий, со всей очевидностью актуализирует проблематику следующего содержания: сохраняется ли в этом мире у отдельно взятых общества и личности понимание себя как отличных от других, либо же происходит размывание границ особенности, отличительности в качестве «объективно сопровождающего» реалии такого мира процесса? Т.е. предельно актуализируется такой предмет социально-философских изысканий, как проблема идентичности, свое видение генезиса которой в историко-философском измерении предложил З. Бауман в книге «Индивидуализированное общество».

По мнению исследователя, долгое время эта проблема носила характер поставленной перед кочевником задачи: как мне добраться до определенного места? Эпоха же модерна и детерминированные ее условиями перемены данную задачу трансформировали в вопрос, задаваемый человеком без определенного места жительства: в какое место приведет меня данный путь? Такая постановка вопроса, как полагает З. Бауман, означает необходимость перманентного поиска своей идентичности, выступающего как процесс никогда не заканчивающейся идентификации, «открытой в будущее деятельности» [3, с. 192], что соответствует реалиям глобализирующегося мира. Обрести в таком мире идентичность, которая придала бы человеку определенную целостность, означает лишиться себя целого ряда возможностей. При подобном понимании проблематики предметом познания является не идентичность как таковая, а прежде всего способность субъекта адаптироваться к конкретным сложившимся в данном месте и в данное время обстоятельствам – раскрывая в себе то, что мы можем назвать «идентичностью приспособления».

П. Бергер и Т. Лукман в работе «Социальное конструирование реальности» доказывают, что реальность есть результат конструктивисткой деятельности человека, его субъективной интерпретации, т.е. реальность по своей сути субъективна. При этом конструирование реальности является постоянно идущим динамическим процессом, в результате которого под влиянием знаний и интерпретаций она (реальность) перевоспроизводится людьми.

В качестве одного из конструкторов, элементов субъективной реальности исследователи рассматривают в том числе и идентичность, которая с позиций социального конструктивизма «видоизменяется или даже переформируется» [4, с. 279] и, следовательно, не задает определенных границ существования.

В похожем, но еще более нивелирующем значении идентичности русле рассуждает о данной проблематике А. Бадью в работе «Философия и событие». Философ вообще относит идентичность к понятию реакционного толка, ибо забота о ее защите лежит в основе реакционных политик, к примеру фашистских. На другом же полюсе находятся политики освободительные, которые пытаются «преодолеть вопросы идентичности» [2, с. 39]

и «являются универсалистскими» [Там же]. Как видим, для А. Бадью идентичность выступает политикой обособления определенного сообщества, построенного в этом случае на жестком следовании самого сообщества тому, что составляет основу этой обособленности и соответственно приводит к тоталитаризму, и (или) противопоставлению себя другим сообществам, крайней формой проявления которого может стать война.

При этом различие как таковое А. Бадью не отрицается, более того, рассматривается как естественный «режим бытия» [Там же, с. 75], отправная точка его онтологии. Отсюда следует утверждение философа о том, что люди, нации, культуры, цивилизации различаются, но проблема сейчас должна сводиться не к доказательству их отличительности, ее сохранению, т.е. к защите идентичности, а к производству «единства из различного материала» [Там же, с. 55]. В этом, собственно, и заключается цель подлинной, освободительной политики, пришедшей на смену периоду культа различия, который, по мнению исследователя, был достаточно негативным и остаточным явлением которого в современном мире, следуя логике рассуждений А. Бадью, можно рассматривать, к примеру КНДР (Северную Корею) с идеологией чучхе – опорой на собственные силы.

Безусловно, весь спектр подобных взглядов на идентичность не исчерпывается работами З. Баумана, П. Бергера, А. Бадью, но они вне всяких сомнений являются показательными для вполне конкретного подхода к решению проблемы идентичности посредством ее (идентичности) нивелирования, и категориями этого подхода выступают свобода, открытость, универсализм в их противопоставлении особенности, отличительности – категориям отграничения субъекта. Главный аргумент такого подхода заключается в том, что современные глобализационные, универсалистские тенденции делают невозможным существование в определенных границах, а если такое существование и имеет место, то относится к явлениям регрессивного, реакционного толка. При этом само понятие «идентичность» все-таки может оказаться востребованным в рамках данного подхода, если исходить из положения о происходящем конструировании глобализацией новой идентичности, которая вполне может именовать себя «глобальной идентичностью» («единством из различного материала»).

Следовательно, отмеченный подход раскрывает стратегию идентификации общества как «стратегию открытости» глобальному миру. В этой связи считаем важным связать стратегию идентификации со стратегией социальной коммуникации – стратегией позиционирования себя и отношения к другим. Такого рода связь существенна для раскрытия специфики идентификации. Полагаем, что отмеченная «стратегия открытости» предполагает субъект-объектную стратегию социальной коммуникации, при которой субъект стремится навязать объекту свою волю, находясь по отношению к объекту в позиции доминирования. Навязывается же в данном случае именно стратегия идентификации как «стратегия открытости» с целью осознанного подавления идентичности объекта.

Возникает вопрос: можем ли мы быть удовлетворены таким решением проблемы идентичности, которое фактически связано с отрицанием последней, и позволить себе оставить невостребованным наследие философской мысли, актуализирующей альтернативную стратегию идентификации, иной способ адаптации к условиям современного мира?

В этой связи предлагаем обратиться к авторскому подходу, согласно которому идентичность раскрывается как объективная определенность, задающая способность субъекта оставаться самим собой в условиях изменяющегося состава детерминантов его жизнедеятельности.

Предпосылки такого понимания идентичности обнаруживаются уже в античной философии. Аристотель, обращаясь к познанию сущности процесса изменения вещей, не признает их абсолютной изменчивости, ибо это означало бы признать абсолютную неопределенность. В природе существует ограничение неопределенности, и этим ограничением выступает определенность [1, с. 205].

И. Г. Гердер в своих исследованиях специфики разных народов, условий, ее детерминирующих, опирается на представление о естественных границах, в пределах которых обнаруживается четкая определенность всего сущего. Исследователь пишет о том, что «природа окружила четкими границами все существа и скорее согласна допустить, чтобы вымер целый вид, чем извращать и губить его строение в самом его существе» [6, с. 189]. Такие «природные границы» напоминают своеобразную нишу, заняв которую, в частности, народ естественным образом обнаруживает себя как нечто определенное и объективно отграниченное от других народов (имеющих свои границы, свою нишу).

Г. Гегель под определенностью вещи понимает, прежде всего, ее качество и доказывает, что именно в силу своей качественной определенности нечто отличается от другого конкретного нечто и одновременно находит в нем границу. Определенность нечто и есть его граница. Философ утверждает, что в наличном бытии определенность едина с бытием, и вместе с тем она, положенная как отрицание, есть граница, предел, и «нечто есть то, что оно есть, только в своей границе» [5, с. 119].

Очевидно, что для отмеченных философов такая категория, как «граница», является столь же естественной, как и тот факт, что только при наличии границ нечто именно в их (границ) пределах способно обнаружить себя – свою определенность, отграничивая от всего остального.

В отечественной философии, прежде всего, благодаря трудам философов-славянофилов, представление об определенности как естественной онтологической характеристике получило основательное развертывание уже применительно к проблематике идентичности общества. К сожалению, долгое время потенциал их исследований оставался не в полной мере востребованным, располагаясь на периферии отечественного философского знания в силу ряда причин, на первом месте из которых был упрек западников, а позднее марксистов, в попытках славянофилов оставить российское общество в стороне от так называемой «столбовой магистрали мирового прогресса», что, конечно же, не отражает реального характера их работ, в частности, рассуждений И. В. Киреевского о влиянии на Россию западного просвещения [8].

Философы-славянофилы на примере исследований российского общества, прежде всего истории его становления, развернули положение о том, что каждое общество в результате взаимодействия особых объективных условий и субъективных факторов жизнеутверждения выступает по-своему определенным, т.е. обладает своей идентичностью. При этом прежде всего объективные условия (географические, климатические, геополитические и другие) формируют те границы, в пределах которых при взаимодействии с субъективными факторами (главный из которых – менталитет) идентичность естественным образом формируется и укрепляется, становясь фундаментом жизнеспособности, как общества, так и личности (этого общества). Следовательно, если обществу будут навязываться чуждые стандарты, оно будет вырождаться, равно и наоборот.

Поэтому на историю развития общества философы-славянофилы смотрели с позиций ее целостности, преемственности, обосновывая это как важнейшее условие сохранения идентичности во времени, а не возврат к прошлому. Своевольное, волюнтаристское привнесение чуждого нарушает эту целостность и сказывается на стабильности жизни социума как цельном, живом организме, имеющем свою природу и границы. Сама история это не единожды доказывала. Так, ярким примером служит 1610 год отечественной истории с привнесением «семибоярщины», покусившейся на веками существовавший монархический строй. В результате в сентябре 1610 года это привело к акту национальной измены, когда правительство «семибоярщины» тайно впустило польские войска в Москву, в 1611 году – к народному восстанию, охватившему десятки городов, а в 1612 году – к свержению «семибоярщины». А учрежденный в новейшей российской истории государственный праздник «День народного единства», ко всему прочему, подчеркивает важность свершившегося тогда возвращения российскому государству адекватной системы управления.

Здесь необходимо разобраться: приводит ли отграничение в обязательном порядке к закрытости, изолированности социума, его абсолютизации и противопоставлению другим обществам? Например, К. Поппер на этот вопрос ответил однозначно, отнеся, в частности, советское общество как отграниченное от западного к «закрытому» типу, и придавал понятию «закрытое общество» изначально отрицательную коннотацию, что проявляется в самом названии его книги «Открытое общество и его враги» [10].

И, казалось бы, при первом поверхностном приближении так и хочется приверженцами аналогичной позиции (позиции изолированности, абсолютизации) сделать философов-славянофилов, выступавших с критикой западного общества. Но, во-первых, эта критика имела конструктивный характер, во-вторых, в ней не содержалось стремления противопоставить западное общество российскому, а присутствовало аргументированное обоснование объективного отграничения российского общества.

Например, уже упоминаемый нами И. В. Киреевский акцентировал внимание на очевидных достижениях западного просвещения (образования и науки), влияние которых на Россию было позитивным и отказываться от которых не следует. А рассуждая о двух отличных друг от друга началах – западном просвещении и естественно сложившейся идентичности российского общества, философ, не противопоставляя их, отмечает: «Не в том дело, какое из двух начал [победит], но в том, какое оба они должны получить направление, чтобы действовать благотворно. Чего от взаимного их действия мы должны надеяться или чего бояться» [8, с. 118]. Данный тезис раскрывает концептуальную позицию – отграничение не предполагает противопоставления и не исключает стремления к взаимопониманию. Более того, отграничение не означает признания прогрессивности обособленного развития и допускает взаимопроникновение обществ в тех сферах, которые обогащают их жизнь, но при этом не покушаются на идентичность, что подтверждается следующим высказыванием философа: «Только с того времени, как история наша позволила нам сближаться с Европой... начало у нас распространяться просвещение в истинном смысле этого слова, т.е. не отдельное развитие нашей особенности, но участие в общей жизни просвещенного мира...» [Там же, с. 75].

В этой связи нельзя не отметить то, что на уровне социально-философского познания скорее жесткое противопоставление демонстрируют исследователи, полагающие идентичность общества как его определенность и естественную отграниченность от других социумов явлением деструктивным, нежели авторы, стоящие на позиции признания идентичности как объективного отграничения. Ибо в первом случае показывается фундаментальное неприятие идентичности как чего-то обособленного, не вписывающегося в рамки конструирования упоминаемой нами «глобальной идентичности», и по этой причине субъект идентичности позиционируется как нечто негативное («тоталитарное», «закрытое» общество) либо предъядвляется в снисходительном значении «недоразвитости», а во втором – без демонизации «иног», доказываемая необходимость сохранения «себя» как способа обеспечения собственной выживаемости, жизнеспособности в глобальном мире.

Предложенный подход к идентичности как определенности раскрывает стратегию идентификации общества как «стратегию отграничения». Такая стратегия не абсолютизирует конкретные общества, не отстаивает их изолированности, ибо это вступает в серьезное противоречие с глобализацией как объективным процессом сближения, роста взаимосвязей государств, народов. Современный мир, а также отечественные и зарубежные концепции позволяют устанавливать позиции встречи как минимум на уровне обеспокоенности и решений глобальных проблем. Диалог, открытость со всей очевидностью не просто возможны, но и невероятно нужны в разрешении глобальных вопросов: «война», «терроризм» и т.д. Но... полярности и отграничение всегда останутся.

Это подтверждает, в частности, С. Хантингтон, выделяя идентичности восьми цивилизаций. «Идентичность на уровне цивилизаций будет становиться все более важной, и облик мира будет в значительной мере формироваться в ходе взаимодействия семи-восьми крупных цивилизаций. К ним относятся западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, православно-славянская, латиноамериканская и, возможно, африканская цивилизации» [11, с. 35], – пишет исследователь. Компонентами каждой цивилизационной

идентичности у С. Хантингтона выступают история, язык, религия, обычаи, жизненно важный характер которых по определению приводит к невозможности размывания границ идентичности, их безрассудного открывания, наоборот – служит скрепляющим ее фундамент основанием. В данном случае цивилизационная идентичность выступает проявлением отграничения обществ друг от друга (что ни в коем случае не исключает их взаимодействия, ибо именно о взаимодействии пишет исследователь, что ко всему прочему еще и существенно сглаживает название его работы «Столкновение цивилизаций?»).

Поэтому невозможно встать на позицию открытости и компромисса в тех случаях, когда наблюдается явное покушение на идентичность общества, разрушающее его веками складывающееся своеобразие. Может ли быть компромисс в дилемме «Грех-праведность», когда первое обществу сознательно навязывают воспринимать в качестве второго как универсальную ценность? Или что происходит с человеком, сотворившим себе кумира? В своем стремлении походить на кумира, изменяя внешность, поведение и т.д., он перестает быть собой, теряет свою идентичность и при этом приблизиться к кумиру не в состоянии, ибо такой может быть только один. В результате человек теряет самостоятельную жизнеспособность и в большинстве случаев становится не более чем объектом усмешек. К сожалению, подобные тенденции характерны не только для отдельных личностей, но также поражают целые социумы, что разрушает потенциальный базис для конструктивного сотрудничества.

Таким образом, сделаем следующие **выводы**.

Во-первых, в современном глобальном мире присутствуют две полярных стратегии идентификации общества, два способа адаптации к условиям современного мира: «стратегия открытости», предполагающая перманентную идентификацию с глобальным миром посредством размывания собственных границ и растворения в нем, и «стратегия отграничения», предполагающая сохранение сложившейся идентичности общества. В рамках «стратегии открытости» идентичность отрицается. В рамках «стратегии отграничения» идентичность является предметом особого внимания, выступает в качестве объективной определенности общества, задающей способность социума оставаться самим собой в условиях изменяющегося состава детерминантов его жизнедеятельности.

Во-вторых, современные, прежде всего геополитические реалии предельно актуализируют стратегию идентификации как «стратегию отграничения», в соответствии с которой нужны весьма конкретные исторически сформировавшиеся координаты, границы обретения идентичности, что будет служить гарантом жизнеспособности общества (и личности) в условиях глобализационного давления, когда глобализация выступает не в качестве объективного процесса сближения разных обществ, а как процесс «западнизации», как ее определяет А. А. Зиновьев [7], или «вестернизации», как ее определяет А. С. Панарин [9], позволяя в этом случае не более чем оправдать сознательное подавление идентичности обществ, отграниченных от Запада.

В-третьих, открытая, универсальная стратегия идентификации опасна возможностью подмены идентичности, обретения «идентичности подражания», поскольку предполагает субъект-объектную стратегию социальной коммуникации – навязывание субъектом объекту своей воли. Полагаем, что глобальная многополярность современного мира ставит задачу сближения на основе диалогической (субъект-субъектной) стратегии социальной коммуникации, предполагающей диалог самостоятельных и равных.

Список источников

1. Аристотель. Метафизика. М. – Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 348 с.
2. Бадью А. Философия и событие. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2013. 192 с.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 324 с.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
5. Гегель Г. Наука логики. М.: Мысль, 1999. 1072 с.
6. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.
7. Зиновьев А. А. Запад. М.: Алгоритм; Эксмо, 2007. 508 с.
8. Киреевский И. В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984. 383 с.
9. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2003. 543 с.
10. Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2-х т. М.: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1. 446 с.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33-48.

IDENTITY: OPENNESS OR SEPARATION?

Antonov Denis Aleksandrovich, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk
denisantonov77@mail.ru

The article aims to describe the opposite strategies of the society identification under the conditions of the global world. One of the strategies is based on the notion “openness”, on the conception of recently dominating universalistic global tendencies under which the socium identity is impossible. The other strategy is based on the notion “separation”, on the long-established conception of certainty as a natural ontological characteristic. It allows the author to suggest a new interpretation of the socium identity as objective certainty determining the socium ability to preserve its identity under the change of the determinants of its vital activity.

Key words and phrases: identity; globalization; universalism; openness; certainty; border.